

Коллекция разнообразных фактов о жизни семейства Пушкиных и самом достойном его представителе собиралась довольно долго, но совершенно бессистемно. Можно даже сказать, что процесс этот происходил помимо моей воли. При регулярном просмотре российской периодики XIX — начала XX века, чему мне пришлось посвятить не один год своей быстротекущей жизни, сведения о Пушкиных, их знакомых и тех современниках, которые о них что-либо слышали, то и дело попадались сами по себе. Оставалось только делать выписки и копировать. Большинство этих историй составители хрестоматий и учебников по литературе, не иначе как исходя из неких «высших соображений», предпочитают не упоминать.

Не имея чести принадлежать к почётной когорте составителей хрестоматий или учебников литературы, я ни в коей мере не отягощён веригами обязательств в отношении загадочных для меня «высших соображений». Соображая же по мере собственных возможностей и не имея никаких моральных преград на пути к задуманному, рискну предложить вниманию любезных моему сердцу читателей несколько историй о славном нашем Александре Сергеевиче, а равно его родственниках, друзьях, недругах и даже отдельных прототипах созданных им персонажей.

Сведения о них почерпнуты из таких надёжных источников, как журналы «Русский Архив», «Русская старина» и консервативной газеты «Московские

ведомости». Заподозрить столь солидные издания в легкомысленности или, наоборот, в злокозненности измышлений нет решительно никаких предположений. Также в ход были пущены фрагменты писем самого Пушкина и его знакомых, что лишь подкрепляет достоверность повествования.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПЯТОЙ ГЛАВЫ

Рискованная игра издателя

Популярная петербургская газета «Северная пчела» 4 апреля¹ 1833 года опубликовала рекламное объявление следующего содержания: *«Поспешаем известить любителей отечественной словесности, что “Евгений Онегин”, коего главы изданы были отдельными книжками, нынче отпечатаны особо, вполне. Радуемся за всех читателей»*. И было же чему радоваться! К тому моменту публика уже заждалась полной версии романа, публиковавшегося отдельными главами с февраля 1825 года. По согласию с автором, издатель Александр Филиппович Смирдин затеял отдельный выпуск, рассчитывая игрой на ажиотажном интересе читателей заработать побольше денег. Однако этот «бизнес-проект» несколько раз едва не потерпел крах.

Для начала не оправдались расчёты издателя. Никакого ажиотажа у читающей публики первые главы романа не вызвали. Их приняли с холодноватой настороженностью и долей некоторого недоумения. Эти тревожные симптомы обнаружились, когда Пушкин, до того на несколько лет не по собственной воле лишённый общения с читателями, вновь получил возможность ознакомиться с их мнением о прочитанном.

Относительную свободу поэт получил после того, как в ночь с 3-го на 4-е сентября 1926 года в принадлежавшее семейству Пушкиных поместье Михайловское, где Александр Сергеевич отбывал ссылку, явился нарочный от псковского губернатора. Посыльный привёз г-ну Пушкину строгое приказание срочно явиться во Псков. Прибывший на зов ссыльный Пушкин был передан губернской властью на попечение фельдъегеря, имевшего высочайшее предписание доставить его в Москву, где, по случаю коронационных торжеств, пребывали августейшая фамилия и двор.

Уже 8 сентября Пушкин был в Москве (да мало того, в Кремле!), где ему была дана личная аудиенция императора Николая Павловича, только 22 августа венчавшегося на царство. Государь был милостив к поэту, посулил ему личное покровительство и освобождение от мелочной опеки общей цензуры. Прощённому литератору дозволено было проживание в Москве и иных губернских городах, однако же в столицу въезд ему до поры не разрешался.

* * *

Прямо из Кремля Александр Сергеевич отправился в гостиницу «Европа» на Тверской улице, где снял двухкомнатный номер, но в последующие

¹ 17 апреля по новому стилю.

дни появлялся там нечасто. В гостиницу он заезжал разве что для того, чтобы переодеться. Ему было некогда!

Через день после приезда в Москву — 10 сентября 1826 года — Пушкин появился на публике, придя на спектакль в Большой театр, чем произвёл настоящий фурор. На сцену в тот вечер почти никто не смотрел. Всё внимание было направлено на поэта, вернувшегося из сельского заточения.

Его тут же завалили приглашениями, и Александр Сергеевич буквально погряз в знаменитом гостеприимстве москвичей. Кочуя по Москве, из собрания в собрание, от застолья к застолью, поэт повидался со множеством людей, большей частью причислявших себя к почитателям его таланта. Неизбежно все разговоры рано или поздно касались литературных новинок, и вот тут-то любимца муз и публики поджидал неприятный сюрприз. Оказалось, что «Евгений Онегин», мягко говоря, восторгов у читателя не вызывал. Даже близкие друзья задавали автору роковой вопрос: о чём, собственно, «Евгений Онегин»? Для кого он «это» пишет? Одних смущала необычность литературной формы — роман в стихах. Другим казалась странной поэтическая строфа, которая впоследствии так и назвалась «онегинской». Третьи находили ещё какой-нибудь изъян. (Этой публике дай только волю!)

Однако прохладный приём первых глав «Онегина» был сущим пустяком по сравнению с тем, что случилось позже. Настоящие трудности никак не были связаны с творческим процессом. Легкомыслие поэта, его миленькие привычки светского повесы едва не привели к непоправимой беде, сулившей убытки Смирдину, срам и разорение самому Пушкину, а русской литературе такие потери, что сейчас даже и подумать-то о такой вероятности жутковато. Впрочем, давайте-ка обо всём по порядку.

Азарта пламень

В начале ноября 1826 года Пушкин выехал из Москвы в Псков, а оттуда в Михайловское, которое ему пришлось покинуть столь поспешно. Вернувшись в свои сельские владения, он сел за оставленную работу. К 22-му ноября ему удалось полностью закончить пятую главу «Евгения Онегина», которую начал в январе. Шестая глава романа была полностью готова ещё в августе.

Покончив со всеми делами в Михайловском, пользуясь дарованным ему разрешением покинуть место ссылки, поэт вновь выехал в Москву, куда и прибыл 19 декабря, поспев как раз к началу бального сезона. В этот свой приезд Пушкин остался в родном городе на полгода. Опять чередой пошли застолья, приёмы, рауты и балы, обеды, ужины и маскарады. Кружась в вихре событий московского зимнего сезона высшего света, он едва не спалил все планы своего издателя в пламени азарта. И вышло-то у него всё как-то нечаянно, что ли... Как обычно совершаются людьми все крупные ошибки и самые большие глупости.

Карточная игра в те поры была неотъемлемой частью жизни светского человека. Найти неиграющего человека в той касте российского общества, которое называлась «высшим светом», было чрезвычайно затруднительно. Даже тот, кто и не особенно любил игру, принуждён был играть, чтобы не прослыть чудаком и мизантропом. Уж так был устроен свет.

Насидевшийся в деревне Пушкин вовсе и не собирался «плыть против течения», тем более что и притворяться для этого ему не было никакой нужды. Ещё с лицейских времён Александр Сергеевич слыл записным игроком и всем другим играм предпочитал азартный штосс, за которым проводил ночи напролёт. Такое усердие к запрещённой законом азартной игре² привело даже к тому, что Пушкин был тайно взят московской полицией «на особую заметку, как известный банкомёт». Но подозрение в нечистой игре была совершеннейшая напраслина! Играл Александр Сергеевич хоть и азартно, но честно, чему свидетельство — его частые проигрыши. Он так и умер, оставшись должен более двадцати тысяч рублей знаменитому игроку, смоленскому помещику Огонь-Догановскому, а с шулерами подобных историй не происходит.

Среди прочих соперников Александра Сергеевича по картам зимой 1827 года оказался коллежский советник Александр Михайлович Загряжский, служивший в московском Сенате. Этот господин был связан с компанией известных московских игроков, добывавших средства к жизни игрой, и соперником «за зелёным сукном» он был весьма опасным. Сев играть с Пушкиным, Александр Михайлович основательно «поддел» поэта, выиграв у него все наличные. Продолжить игру, записывая проигрыши в долги, Загряжский не пожелал, и тогда, охваченный желанием непременно отыграться, Александр Сергеевич поставил на кон рукопись пятой главы «Евгения Онегина», которая, помимо несомненных художественных достоинств, имела и вполне серьёзную денежную стоимость.

Издатель Смирдин платил поэту по червонцу за строку, что в пересчёте на ассигнации выходило по 25 рублей. Зная это, Загряжский ставку принял, они стали метать снова, и Пушкин опять проиграл! Тогда на кон был поставлен ящик с дуэльными пистолетами, и вот эта ставка принесла поэту удачу — ему, как говорится, «пошла карта». Вскоре Александр Сергеевич не только вернул рукопись и полностью отыгрался, но ещё тысячи на полторы «пощипал» своего соперника.

Первый опыт

Ставить свои стихи на кон в картёжной игре Александру Сергеевичу доводилось уже не впервой, и не всегда дело оборачивалось столь же счастливо, как в случае с Загряжским. История, связанная с проигрышем стихов

---

² Законом Российской империи карточные игры разделялись на «азартные» и «коммерческие». К азартным относились те, которые основывались «на игре случая, а не на искусстве игрока», т.е. когда всё решала сдача карт. Яркий пример современной игры такого типа — это «двадцать одно» или «блэк-джек». К коммерческим играм из нынешних можно отнести преферанс и даже «подкидного дурака». В Российской империи дозволялись только «коммерческие» игры, а азартные запрещались. Но строгость закона уравновешивалась его неисполнением. Лазейкой служило то, что в своём доме можно было заниматься тем, чем пожелают хозяева и их гости. Поэтому компании желающих пощекотать себе нервишки азартом собирались как гости в домах одного из игроков, недоступных полицейскому надзору. Один из таких домов держал Чекалинский — ключевой персонаж пушкинской «Пиковой дамы».

Всеволожскому, растянулась на долгие шесть лет, из-за чего возникла целая переписка между несколькими заинтересованными лицами, позволяющая нам теперь проникнуть в самую суть того давнего приключения.

В своём письме от 29 ноября 1824 года, отправленном из Михайловского в Москву князю Вяземскому, Пушкин сам излагал завязку сюжета, с милой непринуждённостью сообщая следующие подробности: *«Предложение твоё касательно моих элегий несбыточно и вот почему: в 1820 году переписал я своё враньё и намерен был издать его по подписке; напечатал билеты и роздал около сорока. Я проиграл потом рукопись мою Никите Всеволожскому (разумеется, с известным условием). Между тем принуждён был бежать из Мекки в Медину, мой Коран пошёл по рукам — и донныне правоверные ожидают его³. Теперь поручил я брату отыскать и перекупить мою рукопись, и тогда приступим к изданию элегий, посланий и смеси. Должно будет объявить в газетах, что так как розданные билеты могли затеряться по причине долговременной остановки издания, то довольно будет, для получения экземпляра, одного имени с адресом, ибо (солжём на всякий страх) имена всех гг. подписавшихся находятся у издателя. Если понесу убыток и потерю несколько экземпляров, пенять не на кого, сам виноват (это остаётся между нами)»⁴.*

* * *

История с проигрышем Всеволожскому относилась к временам, когда незадолго перед тем покинувший стены Лицея в Царском Селе Александр Пушкин стал известен всей столице своими «мелкими стихами и крупными шалостями», по его собственному выражению. Тому в немалой степени способствовала компания, сложившаяся ещё в Царском Селе из учеников Лицея и Благородного пансиона⁵.

Сами себя они причисляли к «денди», копируя стиль жизни, возникший на исходе XVIII столетия в Великобритании. Их кумирами были лорд Байрон и Джордж Браммел, задававшие тон в высшем свете Туманного Альбиона.

Сторонники «дендизма» противопоставляли себя культуре богатых буржуа, считая их нуворишами и выскочками. Культивируя подчёркнутый

³ Текст письма в иносказательной форме свидетельствует об отправке Пушкина в ссылку и утрате им контроля за ситуацией.

⁴ Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. Письма 1815–1830 годов. М.: ГИХЛ, 1962.— Письмо № 100.

⁵ Это учебное заведение, открывшееся 27 января 1814 года, было задумано как трёхклассное подготовительное отделение Лицея. Каждый три года лучшие ученики двух классов переходили в Лицей, а не удостоившиеся такой чести оставались в Пансионе. Окончившие третий класс Пансиона пользовались теми же правами, что и лицеисты, при поступлении на военную службу, но в гражданской службе они могли претендовать лишь на чин коллежского советника, соответствовавший 10-му классу Табели о рангах, и то только при условии получения высших баллов на экзаменах. Главное отличие Лицея и Пансиона заключалось в том, что в Лицее обучали бесплатно, а за учёбу в Пансионе приходилось платить порядочные деньги.

аристократизм манер и поведения, денди использовали моду для выражения своего превосходства над остальными. Подлинный денди одевался тщательно и на первый взгляд выглядел скромно, но очень элегантно. Этот эффект «кажущейся простоты» являлся результатом многочисленных и тщательно продуманных ухищрений лучших портных, шляпников и сапожников, чьи услуги обходились чрезвычайно недёшево.

Не желая ни в чём отставать от товарищей, молодой Пушкин отчаянно франтил, выделяясь даже среди записных модников Санкт-Петербурга. Его чёрный широкий фрак «à l'américaine» и плащ-«альмавива», который он нашивал, забрасывая одну полу на плечо, вызывали толки в столичном свете. Модная шляпа «à la Bolivar»⁶ имела такие широкие поля, что Александр Сергеевич принуждён был снимать её, коли надо было войти в двери. Как и полагалось истинному денди, Пушкин отпускал длинные ногти, за которыми тщательно ухаживал. Для сохранения особо длинного ногтя на правом мизинце он носил золотой футлярчик наподобие напёрстка.

Склонностью к франтовству Александр Сергеевич пошёл в своего дядюшку Василия Львовича Пушкина, известного экстремиста в вопросах моды. Тот всегда опережал остальных, но, облачаясь в модное платье, не учитывал, подходит ли оно ему. Из европейского вояжа Василий Львович вернулся в Москву одетый по последней парижской моде, с причёской à la Titus⁷, умахённой древним маслом huile antique⁸. Явившись в московском свете, Василий Львович страшно гордился парижским обликом и ароматом, снисходительно позволяя дамам обнюхивать свою голову. Наивность и бесхитрость поступков Василия Львовича частенько становились объектами насмешек, шуточек и розыгрышей, но мало кто рискнул бы подобным образом повести себя с его племянником! Острый язык и бойкое перо Александра Сергеевича разили большее шпаги. Он сам был склонен атаковать любого насмешливыми эпиграммами и рискованными шутками, провоцируя на ответные действия. Следуя негласному кодексу петербургских денди, Пушкин постоянно «искал случая постоять за честь», или, как тогда говорили, «напрашивался на историю», имея в виду дуэльный поединок.

Агрессивная задиристость считалась признаком хорошей породы и чистокровного происхождения. У каждого светского юноши имелся заветный плоский ящик с дуэльными пистолетами. Готовя себя «к случаю», они неустанно тренировали руку, упражняясь в стрельбе. Вообще же физические упражнения играли не последнюю роль в жизни петербургских денди.

---

⁶ «Боливар» отличался от остальных разновидностей шляпы-цилиндра широкими полями. «Боливары» изготавливали из чёрного атласа. Они вышли из моды весной 1825 года.

⁷ Мужская причёска, названная по имени римского императора Тита. Вошла в обиход во время Французской революции, когда отказались от мужских кос и париков. Коротко остриженные волосы «по античному образцу» завивались в кудри и зачёсывались на лоб. Из-за «революционного происхождения» этот фасон «убора волос» при Павле I был строжайше запрещён. Оказавшись в Париже, Василий Львович не упустил возможности уложиться «под Тита».

⁸ Huile antique — цветочная эссенция, полученная путём настаивания.

бургских денди. Этим они подражали английским «основоположникам», для которых спорт был частью образа жизни⁹.

Вслед за Джорджем Браммелом сторонники дендизма много внимания уделяли личной гигиене. Они массировали себя щётками из конского волоса, ежедневно принимали ванны, утром погружаясь в холодную воду, вечером — в горячую. Несколько раз за день переодевались. Умачивали тела маслами и благоухали изысканными ароматами.

И уж, конечно, большая часть этих манипуляций производилась для того, чтобы производить должное впечатление на женщин, успех у которых для настоящих денди много значил. Это было тоже что-то вроде спортивного состязания. В их кругу ценилось как количество побед, так и то, над кем и при каких обстоятельствах они были одержаны. Рано вкусивший «запретных плодов», и Александр Пушкин напропалую волочил за женщинами.

Среди друзей он слыл гурманом. Знал толк в хороших винах, в ту пору отдавая предпочтение шампанскому¹⁰.

Его увлекал мир театра, а так как с театральной галёрки наблюдать представления для столичного денди было невозможно, Пушкину приходилось покупать места в ложах или в первых рядах партера, имея дело с перекупщиками, дравшими три шкуры.

Визиты в театр имели особое значение. Молодой человек частенько давал своё собственное представление в антракте, а то и прямо во время спектакля, эпатируя публику своими выходками. Случая «напроситься на историю» он искал везде! Иной раз дело кончалось полицейским протоколом. Один из них повествует о скандале, разразившемся в Каменном театре 20 декабря 1818 года, зачинщиком которого был *«коллежский советник Александр Пушкин»*, который *«в антракте представления выйдя из ложи бенеуара, пошёл в ряды кресел партера и задержался возле мест, занимаемых коллежским советником Перевощиковым с супругой. Оный коллежский советник Пушкин остановился и стал рассматривать эту пару, а когда господин Перевощиков попросил его пройти далее, тот, приняв сию просьбу за обиду, наговорил в ответ грубостей и выбранился неприличными словами»*.

По просьбе Перевощикова в зал кликнули полицию, которая, уняв буяна словесно, вывела *«оного коллежского советника»* вон из театра, о чём был составлен протокол, переданный по команде. Спустя три дня полицмейстер Иван Горголи известил о происшествии в театре управ-

⁹ Кумир российских денди лорд Байрон брал уроки бокса у знаменитого чемпиона Джексона. Не без влияния примера Байрона увлекался боксом и Пушкин.

¹⁰ Цена на шампанское колебалась от 1,5 рубля до 25 рублей ассигнациями за флакон, вмещавший кварту — 946 грамм напитка. Во времена походов молодого Пушкина в столице Российской империи самой популярной и престижной считалась марка фирмы «Вдова Клико», называвшаяся «Вино кометы». Названо по урожаю винограда, собранному в 1811 году, когда на небе явилась комета. Бутылка «Клико» 1811 года в России по преискуранту фирмы стоила 12 рублей. Для сравнения — очень качественное цимлянское вино обходилось по 40 копеек за бутылку. Но столичные денди, если и пили «Цимлянское», то не на людях. Положение в свете, пресловутый «Noblesse oblige», понуждал их требовать «Клико», «Моэт», «Сен-Пре» или другие произведения провинции Шампань, хоть и обходилось это недёшево.

ляющего делами Иностранной Коллегии господина Убри, и Александра Сергеевича «вызвали на ковёр». Начальник устроил ему «головомойку» за недостойное поведение в публичном месте, но скандал замял, известив полицмейстера Горголи, что подчинённый ему Пушкин свою вину осознал и обещал, что *«впредь он так поступать не станет»*.

* * *

Дань моде, пирушки, флирт, увлечение театром, азартная игра — всё это требовало денег. И немалых денег! Не располагавшему личным состоянием и не имевшему достаточных доходов Пушкину приходилось выкручиваться самыми разными способами, чтобы оставаться «комильфо»¹¹ в среде своих товарищей.

Собственно, чем он тогда располагал? Выпускникам Лицея от казны полагалось денежное пособие, выдававшееся «на первое время», пока они не определятся на службу. Лучшие ученики получали право на чин титулярного советника и 800 рублей «на обустройство». Но Александр Сергеевич — ученик был весьма посредственный, по успешности занимавший места в конце второго десятка лицеистов¹². По нескольким предметам он аттестован и вовсе не был, не справившись с экзаменами при выпуске. По совокупности этих прискорбных для его родителей фактов Александр Пушкин по выпуске из Лицея был увенчан лишь чином коллежского секретаря, и «на обустройство» таким «посредственно успевающим» полагалось только 700 рублей.

Намерению Александра по окончании Лицея поступить в конную гвардию решительно воспротивился отец его, Сергей Львович, заявивший, что у семьи «на гвардию нет средств»¹³. Против этого аргумента возразить было нечего. Денег у семейства и правда было маловато. В армию же Александр идти сам не пожелал.

Понуждаемый к тому отцом, свежее испечённый коллежский секретарь Александр Пушкин в июне 1817 года поступил на службу в Коллегию Иностранных дел, где ему положили жалованье в 700 рублей. Надолго ли могло хватить тех денег молодому повесе?! Всё, что удавалось добыть Александру Сергеевичу, разлеталось прахом в вихре развлечений, как возмещение долгов, взятых «под векселя», за которые молодому человеку крепко попадало от отца, когда приходило время платить.

Разговоры о деньгах тяжко ранили душу Сергея Львовича, и с просьбами о вспомоществовании сын обращался к нему только в самом

---

¹¹ Комильфо — правила хорошего тона, в переводе с французского означает буквально «так надо».

¹² В первом выпуске Лицея было 30 человек.

¹³ Гвардейские офицеры экипировались на свой счёт, сами оплачивали содержание денщиков, лошадей, обязаны были вносить деньги в полковую казну «на котёл». Полковые правила понуждали тех, кто не имел своих домов, нанимать только достойные квартиры; в театрах, не имея своей ложи, брать места не далее третьего ряда партера. Отец Пушкина и его дядя Василий Львович сами служили в Измайловском полку, но для следующего поколения семьи это было уже невозможно: состояние дел было уже не то, что прежде.

крайнем случае, когда больше уже взять было неоткуда. На такой шаг молодой человек решился, когда ему понадобились бальные башмаки с пряжками¹⁴. Он попросил отца купить их, объяснив, что такие башмаки «в моде» и иметь их не прихоть, а необходимость. Услыхав цену, которую следовало уплатить, Сергей Львович только руками замахал. Для него 80 копеек, отданные Александром извозчику, уже казались веским поводом для выговора. Когда же сын в качестве аргумента привёл необходимость поддержания *renommée*¹⁵ благородного семейства, Пушкин-старший с ним согласился и предложил ему свои туфли, которые он нашивал на балах во времена оны, когда при императоре Павле I служил в гвардии. Тут уж пришёл черёд махать руками сыну. Башмаки с пряжками Александр Сергеевич себе у отца всё же выпросил... Но не сразу... Далеко не сразу...

Иногда Александра Сергеевича выручали карточные выигрыши, но этот род дохода слишком зависел то от капризов Фортуны, то от ловкости рук банкومتа, чтобы на него можно было всерьёз полагаться.

Стеснённые финансовые обстоятельства и натолкнули проигравшего тысячу рублей Пушкина на мысль расплатиться, предложив своему приятелю Никите Всеволожскому, также служившему в Коллегии Иностранных дел, тетрадь собственных стихов, дерзко оценив её в сумму проигрыша.

* * *

Вскоре после произведения этого расчёта Санкт-Петербургское градоначальство сочло, что шалости Пушкина перешли все допустимые пределы, и призвало господина шалуна к ответу.

В списках по Петербургу ходила ода «Вольность», принадлежавшая перу Пушкина, двух строк которой

...Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок...

было достаточно для того, чтобы прослыть бунтовщиком-якобинцем. Но до поры такая вольность поведения сошла Пушкину с рук.

В марте 1819-го им написано стихотворение «Кинжал», посвящённое Карлу Людвигу Занду, приговорённому к смертной казни за убийство Августа Коцебу, известного немецкого драматурга и русского агента в германских землях, выступавшего против академических вольностей германских университетов. Простили и это.

Тучи стали сгущаться над головой поэта, когда его дерзкая лира весьма фривольно спела о любимце императора графе Аракчееве, близком

---

¹⁴ Бальный внешний вид строго регламентировался. Согласно бальному канону, кавалер должен был явиться в чёрном фраке, белом жилете, при галстукe белого или чёрного цвета, обутым непременно в башмаки. В сапогах на бал допускались только уланы! Поставленный перед такой необходимостью Пушкин и пошёл на крайнюю меру, обратившись к отцу, заранее зная, что разговор будет непростым.

¹⁵ Реноме — в переводе с французского означает «репутация», т.е. установившееся о ком-либо мнение.

к фигуре императора архимандрита Фотии, и даже самом самодержце Александре Благословенном!

Последней каплей, переполнившей чашу начальственного терпения, стало посвящение стихов ветерану наполеоновской армии шорнику Лувелю, в феврале 1820 года зарезавшему герцога Баррийского, считавшегося наследником французского престола.

Бывая в доме столичного почт-директора К.Я. Булгакова, Пушкин «позимствовал» у него литографический портрет Лувеля, полученный на почтамте с последней парижской почтой. Сделав на этом портрете приписку «Урок царям», Александр Сергеевич вечером 20 апреля 1820 года отправился в театр и в антракте, сидя в креслах партера, показывал своим соседям литографию с собственноручной надписью. Это уже был практически призыв к террору! Таковой, во всяком случае, эта выходка показалась начальству. Поэта призвали к военному генерал-губернатору графу Милорадовичу и потребовали от него объяснений, сообщив заодно, что подобное поведение несовместимо с пребыванием на службе, а нанесённые оскорбления достойны наказания высылкой.

Изначально предполагалось заточить проказника-денди в Соловецком монастыре или определить на поселение в один из сибирских городов, но потом милостиво решили ограничиться ссылкой в Молдавию, которая, впрочем, тогда из Санкт-Петербурга казалась краем света. Но это был хотя бы тёплый край света!

В ссылке поэт провёл не один год, а тем временем друг его весёлых денёчков Никитушка Всеволожский остепенился и к 1824-му году успел выслужить чин титулярного советника.

О том, как за это время Никита Всеволодович распорядился стихами Пушкина, ни самому автору, ни кому бы то ни было из его знакомых известно не было. Когда появилась возможность издать стихи особым сборником, возникла насущная потребность вернуть проигранную тетрадь. Однако легко сказать «вернуть», если поэт, сосланный в Молдавию, находился за тысячи вёрст от того, у кого осталась рукопись.

* * *

В главные «сыщики» пропавшей тетради волей Александра Сергеевича был отряжён его младший братец Лев Сергеевич¹⁶, которому он писал ещё 4 сентября 1822 года из Кишинёва в Петербург: *«Теперь, моя радость, поговорю о себе. Явись от меня к Никите Всеволожскому — и скажи ему, чтоб он ради Христа погодил продавать мои стихотворенья до будущего года — если же они проданы, явись с той же просьбой к покупщику. Ветреность моя и ветреность моих товарищей наделала мне беды. Около 40 билетов розданы — само по себе разумеется, что за них я буду должен заплатить»*¹⁷.

По какой-то причине исполнить это поручение Льву Сергеевичу не удалось, и двумя годами позже к поиску тетради Пушкин решил подключить

¹⁶ Лев Сергеевич родился 17 (29) апреля 1805 года. На момент, когда брат дал ему поручение отыскать тетрадь стихов, проигранную Всеволожскому, Льву Пушкину было 17 лет.

¹⁷ Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9.— Письмо № 34.

аж самого управителя канцелярии «Российско-американской компании» и издателя литературного журнала «Полярная звезда» Кондратия Рылеева, а в помощь ему призвать Александра Бестужева¹⁸.

В письме от 29 июня 1824 года, отправленном из Одессы в Москву, Александр Сергеевич просил Рылеева о следующем: «*Кончу дружеской комиссией — постарайся увидеть Никиту Всеволожского, лучшего из минутных друзей моей минутной младости. Напомни этому милому, беспамятному эгоисту, что существует некто А. Пушкин, такой же эгоист и приятный стихотворец. Оный Пушкин продал ему когда-то собрание своих стихотворений за 1000 р. ассигнациями. Ныне за ту же цену хочет у него их купить. Согласится ли Аристипп Всеволодович? Я бы в придачу предложил ему мою дружбу mais il l'a depuis longtemps, d'ailleurs ça ne fait que 1000 rouble s*¹⁹. *Покажи ему моё письмо. Мужайся — дай ответ скорей, как говорит бог Иова или Ломоносова*»²⁰.

В конце октября того же года Пушкин уже из Михайловского отправил в Санкт-Петербург самому Всеволожскому этакую хитро составленную эпистола, полную напоминаний и намёков: «*Не могу поверить, чтоб ты забыл меня, милый Всеволожский! Ты помнишь Пушкина, прошедшего с тобою столько весёлых часов! Пушкина, которого ты видал и пьяного и влюблённого, не всегда верного твоим субботам, но неизменного твоего товарища в театре, наперника твоих шалостей. Того Пушкина, который отрезвил тебя в страстную пятницу и привёл тебя под руку в церковь театральной дирекции, да помолишься господу Богу и насмотришься на госпожу Овошникову.*

Сей самый Пушкин честь имеет напомнить тебе ныне о своём существовании и приступает к некоторому делу, близко до него касающемуся... Помнишь ли, что я тебе полупродал, полупроиграл рукопись моих стихотворений? Ибо знаешь: игра несчастливая родит задор. Я раскаялся, но поздно — ныне решил я исправить свои погрешности, начиная с моих стихов, большая часть оных ниже посредственности и годится только на совершенное уничтожение, некоторых хочется мне спасти. Всеволожский милый, царь не даёт мне свободы! Продай мне назад мою рукопись,— за ту же цену 1000 (я знаю, что ты со мной спорить не станешь; даром же взять не захочу). Деньги тебе доставлю с благодарностью, как скоро выручу — надеюсь, что мои стихи у Слёнина не залежатся. Передумай и дай ответ. Обнимаю тебя, моя радость, обнимаю и крошку Всеволодчика. Когда-то свидимся... когда-то.»²¹

Но и прямое обращение к другу, как кажется, не сразу помогло, а потому в конце ноября 1824 года в письме брату Льву Сергеевичу Пушкин

¹⁸ Оба эти «агента» Пушкина будут осуждены по делу «декабристов». Оба они исчезнут. Рылеев будет казнён в числе пятерых главных обвиняемых заговорщиков, место захоронения которых неизвестно. Бестужева сошлют в Якутск, откуда через четыре года переведут на Кавказ солдатом. В боях он выслужит крест и звание прапорщика. Бестужев пережил Пушкина на полгода — считается, что погиб он во время стычки с горцами в лесу, на месте нынешнего Адлера. Но тело его на месте боя не обнаружили.

¹⁹ Но он располагает ею (дружбой) уже давно, вообще же дело идёт только о 1000 рублях (фр.).

²⁰ Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9.— Письмо № 79.

²¹ Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9.— Письмо № 91.

уже настойчиво вопрошал: «Жду твоих писем. Что Всеволожский? Что моя рукопись?».

Когда же дельце наконец-то выгорело, строки Александра Сергеевича, писавшего 14 марта 1825 года из Тригорского от соседей по имени Осиповых-Вульфов, адресуясь брату в Петербург, снова наполнились оптимизмом, близким к восторженности: «Брат, обнимаю тебя и падам до ног²². Обнимаю также и алжирца Всеволожского. Перешли же мне проклятую мою рукопись — и давай уничтожать, переписывать и издавать. Как жаль, что тебя со мною не будет! Дело бы пошло скорее и лучше — Дельвига жду, хоть он и не поможет. У него твой вкус, да не твой почерк. Элегии мои переписаны — потом послания, потом смесь, потом благословясь и в цензуру»²³.

На другой день уже из Михайловского в Петербург было послано новое письмо Льву Сергеевичу и Плетнёву, старому знакомому, литератору и преподавателю словесности, взявшему на себя труды вести все издательские дела Александра Сергеевича, ограниченного в своих возможностях запретом покидать место ссылки. Это письмо было написано в состоянии, которое принято называть «подшофе», а потому оно и вышло несколько беспорядочным, но весьма и весьма оживлённым: «Брат Лев и брат Плетнёв! Третьего дня получил я мою рукопись. Сегодня отсылаю все мои новые и старые стихи. Я выстирал чёрное бельё наскоро, а новое сшил на живую нитку. Но с вашей помощью надеюсь, что барыня публика меня пощекам не прибьёт, как непотребную прачку.

Ошибки правописания, знаки препинания, описки, бессмыслицы прошу самим исправить — у меня на то глаз не достанет. В порядке пиес держитесь также вашего благоусмотрения. Только не подражайте изданию Батюшкова — исключайте, марайте с плеча. Позволяю, прошу даже. Но для сего труда возьмите себе в помощники Жуковского, не во гнев Булгарину, и Гнедича, не во гнев Грибоедову. Эпиграфа или не надо, или из А. Chénier. Виньетку бы не худо; даже можно, даже нужно — даже ради Христа сделайте, именно: Психея, которая задумалась над цветком. (Кстати: что прелестнее строфы Жуковского. Он мнил, что вы с ним однородные и следующей. Конца не люблю.)

Что, если б волшебная кисть Ф. Толстого...

Нет! Слишком дорога!
А ужась, как мила!²⁴.

К тому же, кроме Уткина, ничей резец не достоин его карандаша.— Впрочем, это всё наружность. Иною прелестью пленяется...²⁵

Пересчитав посылаемые вам стихотворения, нахожу 60 или около (ибо часть подземным богам непредвидима). Бируков, человек просвещённый; кроме его, я ни с кем дела иметь не хочу. Он и в грозное время был милостив и жалостлив. Ныне повинуюсь его приговорам безусловно.

²² Имитация польского наречия.

²³ Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9.— Письмо № 116.

²⁴ Цитата из сказки И. И. Дмитриева «Модная жена».

²⁵ Фрагмент стихотворения В. А. Жуковского «Мотылёк и цветы».

Что сказать вам об издании? Печатайте каждую пиесу на особенном листочке, исправно, чисто, как последнее издание Жуковского. Но каждую штуку особенно — хоть бы из четырёх стихов состоящую — (разве из двух, так можно à la ligne и другую).

60 пиес! Довольно ли будет для одного тома? Не прислать ли вам для наполнения «Царя Никиту и 40 его дочерей»?²⁶ Брат Лев! Не сердитесь журналистов! дурная политика! Брат Плетнёв! не пиши добрых критик! Будь зубаст и бойся приторности! Простите, дети! Я пьян».

Через две недели брату Льву Сергеевичу из Михайловского было отправлено новое письмо, датированное 27-м марта: «Об Вяземском получил известие. Перешли ему, душа моя, всё, что ты имеешь на бумаге и в памяти из моих новых сочинений. Этим очень обяжешь меня и загладишь пакости твоего чтеньебесия²⁷. Получил ли ты мои стихотворенья? Вот в чём должно состоять предисловие: “Многие из сих стихотворений — дрянь и недостойны внимания россейской публики — но как они часто бывали печатаны бог весть кем, чёрт знает под какими заглавиями, с поправками наборщика и с ошибками издателя — так вот они, извольте-с кушать-с, хоть это-с [говно-с] (сказать это помягче). 2) Мы (сиречь издатели) должны были из полного собрания выбросить многие штуки, которые могли бы показаться тёмными, будучи написаны в обстоятельствах неизвестных или малозанимательных для почтеннейшей публики (россейской) или могущие быть занимательными единственно некоторым частным лицам, или слишком незрелые, ибо г. Пшк. изволил печатать свои стишки в 1814 году (то есть 14-ти лет) или как угодно”. 3) Пожалуйста, без малейшей похвалы мне. Это непристойность, и в “Бахчисарайском фонтане” я забыл заметить это Вяземскому. 4) Всё это должно быть выражено романтически, без буфонства. Напротив. Во всём этом полагаюсь на Плетнёва. Если я скажу, что проза его лучше моей, ведь он не поверит — ну по крайней мере столь же хороша. Доволен ли он? Да перешли на всякий случай это предисловие в Михайловское, а я пришлю вам замечанья свои. Когда пошлешь стихи мои Вяземскому, напиши ему, чтоб он никому не давал, потому что эдак меня опять обокрадут — у меня нет родительской деревни с соловьями и с медведями. Прощай. Сестру поцелуй».

* * *

В конечном итоге все волнения оказались позади, труды и хлопоты увенчались выходом книги 30 декабря 1825 года, называвшейся «Стихотворения Александра Пушкина», на титуле которой значился 1826-й год, а в качестве эпиграфа использована строфа римского поэта Пропорция «Юность поёт о любви — муж воспекает тревоги» на латыни. Использованное в эпиграфе слово tumultus — «шум» — имело несколько значений, среди которых «тревога», «мятеж», «бунт» и «восстание». Цензурное разрешение на книгу было получено в начале октября 1825-го, а вышла

²⁶ Это шуточка. «Царь Никита и сорок его дочерей» — произведение хотя и очень остроумное, но совершенно неподцензурное, с категорическим диагнозом «не для печати».

²⁷ Так Пушкин называл повсеместное чтение Львом Сергеевичем неизданных стихов.

она через две недели после выступления «декабристов», отчего эпитафия приобрёл весьма двусмысленное звучание. Да и содержание было весьма смело, а потому выход книги произвёл фурор. Уже через пару месяцев у издателя Плетнёва не осталось ни одного экземпляра книги, и он писал в феврале 1826 года о том, что между книгопродавцами, узнавшими, что книг больше не будет, началась настоящая война за пушкинский сборник.

Пропажа пятой главы

Повторный опыт использования рукописей в качестве ставки при игре в штосс увенчался гораздо большим успехом, нежели сражение за карточным столом 1820 года со Всеволожским. Однако словно злой рок преследовал эту самую столь счастливо отыгранную у Загряжского пятую главу романа «Евгений Онегин»! Автор умудрился её потерять, да так и не нашёл, и куда подевался оригинал рукописи, никому по сию пору неизвестно. А произошло это при следующих обстоятельствах.

Получив разрешение императора вернуться в столицу, спешно завершив все дела в Москве, 19 мая 1827 года Пушкин выехал в Петербург, взяв с собой рукопись готовых глав «Онегина». По приезде же оказалось, что дорогой бесследно пропал основной вариант пятой главы! Той самой, где так ярко повествуется, как крестьянин на дровнях обновляет зимний путь, а дворовой мальчик, катая в санках Жучку, отморозил пальчик... Вообразите себе, что стихи эти, непременно «задаваемые наизусть» многим поколениям российских школьников младших классов, могли и не дойти до нас!

Прискорбность ситуации многократно усугублялась тем, что в декабре, ещё перед отъездом из Михайловского, автор уничтожил черновики, а на память и в точности своих стихов он не помнил. Деньги за эту главу, авансом выплаченные Смирдиным, были потрачены, и вместе с возможной неустойкой составляли сумму, которую Пушкину взять было решительно неоткуда.

Оценив всю печаль открывавшихся ему перспектив, Александр Сергеевич спешно написал брату, Льву Сергеевичу, прапорщику Нижегородского драгунского полка, входившего в состав Кавказского корпуса, прося немедленной помощи.

Это письмо вовсе не было жестом безумного отчаяния, как могло бы показаться. На тот момент именно Лев Сергеевич был действительно единственным на свете человеком, который мог бы помочь поэту, попавшему в переплёт прискорбных житейских обстоятельств.

* * *

Младший брат Александра Сергеевича не мог похвастаться ни выдающимся литературным даром, ни даже достойным образованием, что, впрочем, в те времена не считалось существенным изъяном. Большой частью дворянская молодежь вполне ограничивалась «домашним образованием», благо что для поступления в военную или гражданскую службу дипломов предъявлять не требовалось. Если же некто не претендовал ни

на что особенное в жизни, то в своём имени мог «жить барином» и вовсе ничему не учась.

Младший брат Пушкина пробовал учиться, но ни рвения, ни способностей не проявил. В таких случаях говорят: «не в коня корм». Строки, написанные поэтом о своём поколении: «*Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь*» — Льву Сергеевичу подходили как нельзя лучше. После необременительных домашних занятий с учителями и гувернёрами Пушкин-младший сменил подряд несколько учебных заведений, и всё без особого проку. Изначально вкусил он горьких корней познания мудрости в стенах главного немецкого училища при лютеранской церкви св. Петра, но там дело у него не пошло. Перейдя в Благородный пансион при Царскосельском лицее, Лев и там не задержался. Третью попытку получить хоть какое-нибудь регулярное образование Лев Сергеевич предпринял в 1817 году, поступив в Благородный Пансион при Главном Педагогическом институте. В этом последнем заведении, несмотря на его пышное название, учили кое-как, но даже и этого курса Лев Пушкин не осилил. В 1821 году за участие в протесте против увольнения Вильгельма Кюхельбекера, лицейского приятеля старшего брата, преподававшего словесность, Льва Пушкина из пансиона исключили.

На этом этапе с учением Лев Сергеевич покончил, зажив в доме своего отца, нигде не служа и не занимаясь никаким делом. Но безмятежной такую жизнь назвать было никак нельзя. Бесконечные пощёлки прижимистого папаша, полная от него зависимость в финансовых делах заставили Льва Пушкина в ноябре 1824 года поступить на службу в Департамент Духовных дел иностранных исповеданий. Это была явно не его стезя. Прослужив без особого усердия и каких-либо успехов только до октября 1826 года, Лев Сергеевич вышел в отставку, объявив родственникам, что желает стать военным.

На другой год он определился юнкером в Нижегородский драгунский полк, входивший в состав Кавказского корпуса, с которым младший Пушкин принял участие в сражениях Персидской кампании. Он был отмечен начальством за храбрость, а товарищам по полку полюбился за широту души и добрый нрав.

Но чем же этот замечательный драгунский субалтерн²⁸, служа на Кавказе, мог бы помочь своему знаменитому брату-поэту, потерявшему драгоценную рукопись где-то на дороге между Москвой и Петербургом? О, Александр Сергеевич знал, что делал, написав именно ему! Братец Лев обладал странным, но весьма полезным в данном случае талантом — у Пушкина-младшего была феноменальная память! Пользуясь этим даром, Лев Сергеевич неоднократно выигрывал крупные пари, по условию которых он, лишь раз прочитав страницу произвольно выбранного оппонентом текста, тут же повторял прочитанное наизусть без единой ошибки.

Пятую главу «Онегина» Лев Пушкин раз прочёл сам и ещё раз прослушал её в исполнении брата. Несмотря на то, что с той поры прошло порядочно времени, этого оказалось достаточно. Пока в Петербурге брат всячески оттягивал момент передачи рукописи Смирдину, Лев Серге-

²⁸ Так в российской армии называли младших офицеров, находившихся в подчинении командиров рот, батарей или эскадронов.

евич, воспроизведя по памяти текст утраченной рукописи, записал стихи мельчайшим почерком на трёх небольших листках бумаги и отправил их брату из Тифлиса с почтой. Получив драгоценную эпистола, Александр Сергеевич живо переписал стихи набело и отдал их издателю, сняв, наконец-то, камень со своей души. В начале февраля 1828 года пятая глава «Евгения Онегина» была опубликована, а история её злоключений ещё долго оставалась никому не известной.

* * *

Все эти сведения выплыли наружу лишь после смерти Александра Сергеевича. Так, выручивший поэта брат Лев в 1843 году женился на Екатерине Александровне Загряжской, отец которой когда-то выиграл у его старшего брата пятую главу в штосс. Услыхав от тестя рассказ о том давнем картёжном сражении, Лев Сергеевич в свою очередь поведал ему о продолжении приключений сочинения брата. Годы спустя, когда уже не было нужды сохранять в тайне это давнее происшествие, Загряжский рассказал слышанное от зятя журналисту Николаю Петровичу Кичееву, а тот в мартовской книжке журнала «Русская старина» за 1874 год опубликовал заметку, в которой изложил всю эту историю так, как он её запомнил.

ПОКАЗАНИЯ ТАЙНОГО СВИДЕТЕЛЯ

Скандалное происшествие на панихиде

Начала 1887 года вся культурная общественность России ждала с особым нетерпением. Той зимой исполнялось 50 лет со дня смерти Александра Сергеевича Пушкина и терялось право частной собственности на издание его произведений. Откупивший эти права знаменитый книгоиздатель Александр Филиппович Смирдин ещё в 40-х годах совершенно разорился, и *«по расстройству в денежных делах не находил возможности издавать сочинения господина Пушкина»*. Казна же, не желая выкупить у него права, предпочитала дожидаться момента, когда пройдёт установленное время.

Хотя в это трудно поверить, но произведения Пушкина за полвека, минувшие со дня смерти поэта, стали в России библиографической редкостью. За прижизненные издания Пушкина приходилось платить тройную цену букинистам. Стихи Александра Сергеевича переписывали от руки. Пушкинские книги и списки с них передавали по наследству, указывая в завещании отдельно! И вот приблизилась роковая дата, когда все законные ограничения утрачивали свою силу. Все ждали выхода первого посмертного собрания сочинений великого поэта России.

Также ожидалось, что именно в день пятидесятилетия со дня смерти поэта будет точно названо место, где произошла дуэль, приведшая к смертельной ране Александра Сергеевича. Предполагалось, что это совершится после панихиды, которую служили на Чёрной речке.

Туда к четырём часам дня через заснеженные поля сошлись и съехались до полутора тысяч человек. Прибыло всё губернское земство во главе с председателем губернской земской управы господином А. И. Гор-

чаковым, директор Александровского лицея Гартмана со старшими воспитанниками и, наконец, как самый почётный гость, приехал сын поэта, генерал-майор свиты Его Величества Александр Александрович Пушкин.

Панихиду служило духовенство окрестных церквей. Пели три хора: Исаакиевского собора, Ново-деревенской церкви и женский хор земской школы. Всё было очень чинно, прилично-торжественно, искренне и трогательно. Лишь одно каверзное обстоятельство портило дело: никто так и не смог точно сказать — на том ли месте служат панихиду?

По окончании всех траурных служб вопрос о месте дуэли отца в своём разговоре с земскими начальниками поднял сын покойного поэта. Прежде ему было обещано, что к полувековой годовщине непременно место дуэли будет указано в точности. Земцы же признали, что, производя розыски, они обнаружили два мнения. По указанию крестьян деревни Коломяги, поединок произошёл за Комендантской дачей, по левой стороне дороги. Член же земской управы Шакеев, основываясь на свидетельстве секунданта Пушкина, Данзаса, утверждал, что дуэль произошла по правой стороне дороги. Но где именно был смертельно ранен Пушкин, установить не было никакой возможности, ибо в 40-х годах эта местность сильно изменилась из-за строительства Ново-Коломяжской дороги. Предполагали только, что место дуэли находилось где-то тут, между Старо-Коломяжской и Ново-Коломяжской дорогами. Земцы клялись, что не пожалеют сил, чтобы установить точно, где же всё-таки находится место дуэли, добьются отчуждения этого участка и воздвигнут на нём памятный монумент. Этим ответом его превосходительство Александр Александрович остался крайне неудовлетворён, что и выразил в достаточно резкой форме.

Заявление господина барона

Попытки поиска места знаменитой дуэли к моменту служения панихиды на полувековой юбилей предпринимались уже не впервой. Ещё в 1880 году, при открытии памятника Пушкину в Москве, планировали и на месте дуэли воздвигнуть бюст поэта, но тогда было лишь установлено, что «место дуэли заброшено и даже точно не обозначено». Единственной зацепкой к его определению служил столбик, появившийся будто бы спустя несколько лет после смерти поэта, на котором была прикреплена чёрная доска с надписью белыми буквами: «27 января против сего места упал смертельно раненный на поединке А. С. Пушкин». Кто установил этот знак, никому не было известно — он довольно скоро обветшал, и ему на смену появился другой, потом ещё, но всё это, можно сказать, была частная инициатива неизвестных лиц, которые и сами вряд ли располагали точными сведениями о месте дуэли.

В самый разгар обсуждения российскими газетами различных версий событий полувековой давности в № 31 «Московских ведомостей» за 1887 год появилась статья, написанная бароном Эммануилом Штейнгелем, в которой он попытался внести ясность в вопрос о месте дуэли Пушкина. Барон указывал на прямого свидетеля этих событий, который так и остался не известен ни следствию, ни исследователям, ни родственникам поэта.

Господин барон писал, что отец его зимой 1852 года купил у иностранного подданного Гольца только что отстроенную Чернореченскую ферму, стоявшую на самом берегу Чёрной речки, за Старокомендантской дачей, по Коломяжской дороге. Самому Эммануилу Штейнгелю было тогда только десять лет, и он учился в пансионе. Через несколько месяцев, когда стало теплее, приехав из пансиона на отцовскую ферму, мальчик стал совершать вылазки в окрестные леса, ища приключений.

Однажды он пожелал осмотреть Комендантскую дачу, к высоченному забору которой случайно вышел. Ворота были заперты, но для ловкого мальчика не составило труда перелезть через ограду и спрыгнуть во двор. На его счастье, собак на даче не держали, и он, чувствуя себя настоящим разведчиком, обошёл двор и попытался пробраться в дом. Обнаружив, что двери и окна дачи были заперты, юный Эммануил пошёл в комендантский сад. Вволю набегавшись, он присел на лавочку. На солнышке его разморило, и он заснул. Таким, спящим в саду, его и застал дворник Иван, который разбудил мальчика и стал укорять за то, что тот забрался в чужой сад без спросу.

Вполне высказавшись, Иван увенчал свою речь назидательным вопросом:

— И что же это из вас, барин, выйдет, ежели вы уже такой маленький, а законов не уважаете?

На это Эммануил Штейнгель бойко ответил, что он уважает законы, ибо его как раз готовят к поступлению в Училище правоуказания, где этим самым законам учат. Также он сообщил, что по окончании Училища непременно станет судьёй, достигнет чина, уж по крайней мере не меньшего, чем у его дяди — коменданта крепости, а увенчает свою карьеру сенаторством.

Выслушав ответ столь целеустремлённого ребёнка, дворник лишь захрюкал, а потом совсем неожиданно задал довольно-таки крамольный вопрос:

— А вот скажи мне, молодой барин, коли ты людей собираешься судить: отчего царь позволяет господам убийство, а чёрный народ за то же самое шлёт в каторгу?

«Как ни мал я был,— писал барон,— а всё же уже знал, что всякое убийство наказывается, и это объяснил дворнику Ивану».

Но тот позволил себе усомниться:

— Я, барин, сам видал убийство, произошедшее вот возле этой самой дачи, и не слыхал, чтобы убийцу за него судили и наказали!

Теперь пришёл черёд не верить Эммануилу Штейнгелю. Но Иван болжился и рассказал ему, как уже порядочно лет тому назад однажды зимой, под вечер, он сидел в своей дворничкой и глядел в окошко. Темнело, и он уж собирался зажечь сальную свечу, когда заметил на Коломяжской дороге господские сани, остановившиеся неподалёку от дачи. Вышедшие из саней люди пошли влево, мимо окон его дворничкой, к лесу.

Подивившись и не понимая, что в эту пору да в такую холодную погоду эти господа собирались делать в лесу на ночь-то глядя, Иван через окно смотрел им вслед, сколько было можно. Не успели странные господа скрыться из виду, как подоспели другие сани, и из них высадились

другая компания, поспешившая по той же дороге, по которой пошли те, что приехали первыми.

Поразмыслив, Иван решил посмотреть сам, что происходит. Надев шубу и шапку, он пошёл вслед за странными господами и подобрался к тому месту, где был слышен их разговор, довольно близко. Дворник тихо встал за кустами и смотрел, вглядываясь сквозь сгущавшиеся сумерки в то, что происходило на поляне.

Там приезжие господа стояли двумя кучками, «сажнях в восьми друг от друга», и о чём-то говорили, но о чём именно, он не понял. Потом двое из них почти одновременно выстрелили друг в друга, причём один из стрелявших, тот, что стоял у дорожной насыпи, упал. К нему подбежали, стали спрашивать, он отвечал, но слов Иван по-прежнему не разбирал. Один из подходивших вернулся к стоявшему отдельно человеку, по словам Ивана, «кажется, офицеру», что-то ему сказал, и оба они пошли прямо на него, но, не заметив притаившегося в кустах дворника, вышли на дорогу, сели в свои сани и уехали.

Бедолага Иван был страшно напуган! Сообразив, что стал свидетелем убийства, он, как всякий русский человек, опасался, что теперь его непременно «затаскают» как свидетеля судебные власти, а как с лица должностного взыщет начальство: «Зачем, каналья, допустил смертоубийство возле порученной тебе дачи!?»

Так, стоя за кустами ни жив ни мёртв, Иван увидел, как раненого полусидя прислонили к насыпи, надели ему на голову свалившуюся шапку. Потом его подняли на руки, понесли. Иван бросился к себе в дворницкую и заперся там. Он всё боялся, что раненого принесут прямо к нему в дом, и тогда уж ему точно не отвертеться. Но он опасался напрасно — своего подстреленного товарища господа отнесли в сани и скоро проехали мимо окон дворницкой.

* * *

Всю ночь Иван проворочался, а утром, как стало совсем светло, схватил со двора лопату, какой чистил на дворе снег, и пошёл к тому месту, где давеча произошло «смертоубийство». Придя туда, Иван увидел комки окровавленного снега. Самой крови на снегу было немного набрызгано, но комки снега, видимо, прикладывали к ране и, напитанные кровью, отбрасывали. Собрав окровавленный снег в выемку насыпи, дворник утрамбовал его, натаскав свежего снега в полах шубы и раструсив его на месте. Он срыл лопатой следы на поляне, наносил ещё снегу, ровняя его лопатой, и тогда только успокоился, когда не осталось никаких следов вчерашнего происшествия.

Ни господ, ни того, что между ними произошло, Иван не знал. Только спустя три недели вызванный по какому-то делу к коменданту крепости, сидя в кухне его питерского дома, он услышал о том, что на дуэли стрелялись двое господ, и один из них, «учёный писатель», был ранен и умер, а другой куда-то скрылся. К радости Ивана оказалось, что следствие по этому делу уже закончено и суда не будет, а стало быть, свидетели не нужны, и «таскать» его никто не станет.

Дворник отвёл молодого барона к тому месту, где произошла дуэль, и в подробностях показал где кто стоял, где упал раненый, куда его отне-

сли. *«В то время,— писал далее Штейнгель,— я ещё не читал произведений Пушкина, а просто хотел увидеть место дуэли».*

Дома мальчик рассказал обо всём услышанном своему отцу. Тот тоже счёл рассказ Ивана интересным и попросил сына отвести его на место, чтобы успеть его осмотреть. На другой день Эммануил отвёл отца к тому месту, которое давеча ему показал дворник Комендантской дачи. Барон Штейнгель-старший, выслушав ещё раз пересказ сына, предположил, что, скорее всего, Иван видел, как смертельно ранили Александра Сергеевича Пушкина. Чтобы пометить место, барон, выворотив кол из ближайшей изгороди, воткнул его там, где возле насыпи, по его мнению, лежал Пушкин, а сам мальчик связал из двух сучьев крест и положил его возле того кола. Место, где предположительно стоял Дантес, они пометили, положив булыжник.

* * *

Уже учась в Училище правоведения, Эммануил, приезжая на каникулы на ферму отца со своими товарищами, непременно водил их к тому месту возле Комендантской дачи и пересказывал слышанное от дворника Ивана, показывая, где кто стоял и как что было.

По окончании Крымской войны старший барон Штейнгель продал свою ферму на Чёрной речке, пожелав вместо неё купить имение в чернозёмной полосе. В последнее лето перед выездом с фермы к Штейнгелям приехали погостить кузен Эммануила Василий Николаевич Белавин-Ланской и его товарищ по училищу Виктор Яковлевич Кронеvский. К тому времени юноши уже зачитывались Пушкиным, находя к тому любую возможность, хотя, как мы помним, это было совсем даже непросто. Придя в очередной раз к месту своего поклонения памяти поэта, они, сидя под насыпью Коломяжской дороги, решили установить более заметный знак, нежели кол, воткнутый бароном Штейнгелем в мае 1852 года.

С этой целью они принесли с фермы отёсанный с четырёх сторон столбик — в сажень высоты и трёх вершков толщины. Его они врыли на том месте, где прежде был вбит кол, и с каждой из четырёх сторон написали строки из произведений Пушкина. Как припомнил Эммануил Штейнгель, сам он написал:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа...

По словам барона, эти строки ему пришли на ум, поскольку именно они — он и его товарищи — были первыми россиянами, которые воздвигли подобие «рукотворного памятника» любимому поэту, в то время когда, как им казалось, всё русское образованное общество совсем забыло Александра Сергеевича Пушкина. По крайней мере, до того не было предпринято никаких попыток оградить землю и отметить знаком место, где пролилась кровь поэта, прославившего Россию своими сочинениями.

«Нам, троим юношам, только что вышедшим из отроческого возраста, простительно было считать себя воздвигателями памятника незабвенному поэту,— писал барон Штейнгель,— и то, что мы гордились нашим сооружением в виде простого столба, тоже извинительно — достойный памятник должен быть поставлен на этом месте от всей России, а не тремя мальчишками».

Далее господин барон предлагал свои услуги всякому, кто захотел бы принять на себя труд по установлению памятника, уверяя, что он как никто другой может точно указать место.

Что было потом

Предложения барона не были услышаны, а его претензии на первенство в установке памятного знака и вовсе проигнорировали. До сих пор о столбике, установленном Эммануилом Штейнгелем и его товарищами, пишут, непременно прибавляя: «Кто установил этот столбик, по сей день является загадкой».

Несмотря на клятвы и уверения, земство не выполнило обещания, данного сыну Пушкина после панихиды в январе 1887 года. Ещё через несколько лет, уже в начале 1890-х годов, занятую огородами местность на Чёрной речке передали в ведомство императорского Скакового общества, которое немедленно приступило к постройке ипподрома со всеми необходимыми службами: трибунами, конюшнями, кузницами и санными сараями.

Собственно говоря, именно то, что там, где стрелялся Пушкин, решили строить конюшни, взбудоражило общественное мнение, которое принудило Скаковое общество заняться благоустройством места дуэли. На деньги этого общества возвели кирпичный постамент, который оштукатурили и увенчали гипсовым бюстом Пушкина. Недолго простояв, бюст рассыпался, но его заменили новым. Выглядело это всё жалко и нелепо — маленький памятник помещался на скаковом дворе, между забором и изгородами, рядом с конюшнями. Подле него красовались горы навоза.

В 1908 году, с началом эры воздушных полётов, ипподром превратили в Комендантский аэродром, и новым хозяевам, устремлённым помыслами в небо, также было не до памятника — к 1921 году он опять развалился. Эпопея с монументом имела продолжение, изобилующее разного рода поворотами сюжетов, вплоть до арестов и посадок авторов проектов в ходе репрессий 1930-х годов, но оставим эту тему, поскольку речь идёт не о самом памятнике, а о месте, где он установлен.

О чём писал Штейнгель?

Итак, после заявления барона Штейнгеля можно утверждать, что памятный столбик, по которому наконец-таки была совершена «привязка к месту», изначально был установлен им и его товарищами. По крайней мере, никаких других претендентов на связное и аргументированное изложение версии с возникновением этого знака не имеется. Но стоит ли кричать «виват» по этому поводу? Кто поручится, что юные Штейнгель, Белавин-Ланской и Кроневский поставили этот столбик именно на месте дуэли Пушкина с Дантесом, а не какого-нибудь другого поединка?

Рассказ дворника Ивана десятилетнему мальчику ничегошеньки не удостоверяет. Даже если решить, что никакому на свете дворнику так

ловко не придумать подобную историю, чтобы рассказать её спустя пятнадцать лет какому-то мальчишке, а посему допустить, что он видел чей-то поединок, то кто возьмётся утверждать, что это была та самая историческая дуэль? Ни точной даты, ни даже года Иван не называл. Ни описания наружности дуэлянтов, ни даже уверенности в том, что один из стрелявшихся был офицером, в его рассказе нет. Это не принимая уж в расчёт всяческих мелочей, которые литературоведы-пушкинисты в момент найдут и объявят «несоответствием».

Бог с ним, с тем Иваном,— он рассказал, как умел, ни разу не назвав имени Пушкина,— самое большое, на что он сподобился, так это упомянуть про «учёного писателя», как называли умершего после дуэли человека, которого, опять же по предположению Ивана, ранили у него на глазах недалеко от Комендантской дачи.

О том, что дворник ему рассказывал о дуэли Пушкина, Эммануил решил, поскольку *«тогда знал о Пушкине, но его произведений не читал, а место дуэли хотел видеть»*. Дворник показал ему место, где однажды зимним вечером стрелялись господа, а вывод о том, что это в 1837 году стрелялся Пушкин, сделал барон Штейнгель-старший, которому так хотелось думать. Мнение папеньки было для Эммануила главенствующим, да и, наверное, ощущение причастности к тайне, связанной с Пушкиным, очень возбуждало юношеское воображение. По малолетству он не знал, что местность эта в 1840-х годах изменилась и проложили новую дорогу!

Земцы в 1887 году утверждали, что «место» находится меж двух дорог: старой Коломяжской и новой. Штейнгель же уверенно показывал под откос насыпи дороги, не говоря, старая она или новая. Кто даст гарантию, что Иван рассказывал ему о событиях, относящихся именно к 1837 году, а не о более поздних, случившихся уже после строительства новой дороги? Впрочем, и опровергнуть рассказ Штейнгеля также некому!

Памятный знак в виде столбика, врытого некогда бароном, указывал место, а другого никто назвать не мог. По нашему извечному обычаю решили, что тот, кто «застолбил», «поди, лучше нашего знает», и установили там памятник. Последовала череда возведения и разрушения монументов, но получается, что до сегодняшнего дня так никто точно и не смог сказать: «Вот именно здесь произошла дуэль Пушкина». Ткнув пальцем в землю, незатейливый дворник Иван указал для него место — и только. В качестве утешительного рассуждения можно лишь привести латинское изречение, утверждающее, что глас народа — это глас Божий.